

Станислав МИХАЙЛОВ

ОЛЕГ

на Пушкинской два года жил Григорьев
и это для пенсионеров было горе
дом вздрагивал качался дуб зелёный
два года пил с друзьями кот учёный
на Пушкинской в последнем лукоморье
пил, ликовал и умирал Григорьев
и это для пенсионеров было горе
а вот когда он в морг переселился
то для пенсионеров стало счастье
не стало сажи в северной столице
и у плохих поэтов что-то получаться
стало...

Григорьев смотрит с облака как с дуба
на Ленинград, на Пушкинскую, 10
идут Шатовкин, Метельков и Шуба
златую цепь Васильеву повесить
и вновь пенсионерам будет горе
орут коты в Новосибирске по-пацански
всё хорошо — воскрес Олег Григорьев
и пишет хорошо как Poltoratsky

*

Немету Шандору

дым потолпился подле потолка
и вытек в приоткрытое оконце...
курящий гость поглядывал на солнце
как медленно оно под облака
закатывалось
вторник на закате
был холоден
заречное село
подрагивало и к воде текло...
и долгое как песнь о Гайавате
тянулось разговора полотно
о смерти о разлуке о расплате...
о женщине венгерской в красном платье
забытой и разлюбленной давно
и между тем о брошенной жене
о сыне лет четырнадцати
горстью
гость воздух черпал
и кивали гостю
прокуренные тени на стене
на скатерти лежащая рука
темнела не касаясь портсигара
взирать на череп бритого мадьяра
не тоже ли, что чётная тоска
в другом обличье да и в час в час нечётный
как будто ясный день но всё нелётный
налитая пощёчиной щека
была густа как Чонтвари палитра
угоро-финнов здесь и вдалеке
коробчатый словарь сползал к реке
раздельно-слитно

ЩИ НА КОСТОЧКЕ

Утром встал.
Снова лёг.
Приснились мне щи на косточке.
Встал и умылся.

Выпил чашку чая с лимоном.
Съел ломтик лимона из чая,
как всенепременно делал Гагарин.
Покурил.
Пришли соседи — Толстый и Чир.
Ковёр прикрутили к стене на саморезы.
Покурили.
Слопали дыню.
Сварил щи на косточке.
Купил хлеба.
Съел три миски
щей на косточке.
Потом было много всего:
фейсбук,
телефон,
шесть прогулок в литературных лесах
с Умберто Эко.
А всё-таки лучшее, что со мною случилось
за этот длинный
и, как всегда, бестолковый день —
щи на косточке.

ЗАБЫТЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Даниле Меньшикову

в Париже осень сентябрь тепло
Sacré-Cœur на холме белый тёплый
бродит по Монмартру Морис Утрилло
пьёт абсент
бьёт отчаянный глаза и стёкла
и отвечает ему предвечерний свет
ложится тихо на картон шершавый
а где-то в Серпухове забытый велосипед
тает в сумерках и в тишине ветшает
белая ночь молчит
час остался до темноты
до умопомраченья без ключа домкрата...
двухколесный оборотень, а велосипед ли ты?
был брат жил и не стало брата
бедный Коля Мясников стоит у ворот
краски и холсты у него украли

мы пришли к свободе и отошли от
буквы изукрашенной и прописной морали
восьмёрку поставил полубухой сосед
на колесо вращающее все буквы мира
забытый и полузабытый велосипед
опечатанная квартира...
крест на жизни и на небе крест
скошенные горькие вянут травы
мама прошептала моя: арест...
белая седая голова Варшавы
Марек Ополинский
твой велик твой
немцы топают сволочи по Парижу
пей не пей или вой не вой
не услышу их никогда не увижу
Марека Колю моего Утрилло
бедных молодых двоих Амедео
осень Sacré-Cœur — на холме светло
выпьем за помин раз такое дело

ПЧЕЛА И ЧЕТЫРЕ ШМЕЛЯ

на клумбе поверх рыжеглазых настурций
пчела и четыре шмеля
в саду никаких инородных конструкций
родные вдали тополя

и кто-то в тоске ослепительно синей
в дырявом-дырявом плаще
бредёт по верхушкам платанов и пиний
в одном из своих воплощений

сто лет я уже теоретик безбожный
и тысячу стадий слепец
не надо мне денег на хлеб подорожный
земли дай помягче, Отец

СТАКАН

стакан гранёный
отмытый до блеска
вода и водка
томатный сок
выпить
закрывать глаза
и сразу вымыть
фаянсовая грубая кружка
для киселя и компота
фарфор чай не лыком шиты
улун
простой крепкий
из гранёного с подстаканником МПС
мараскина
бенедиктина случись вдруг
серебряного
напёрстка достанет
кофе фарфор
какао фаянс
всё остальное
стекло
и только жизнь
пить не из чего
оказывается
дырявые ладони
пустые колодцы
целую гранёный стакан
и пью до дна
чистую
молодую
целую

ПИТЕР С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

альбом про Питер
неба верхотура
подсвечивает Лиговку и Невский
Новосибирск — на СПб карикатура
Григорьев умер вот и выпить не с кем

пьит без ног в ручищах фарингита
в мозолистом крестьянском безгололье
коктейльная принцесса Маргарита
не пьёт с утра в затон кидает кости
речпорт обской — чем не адмиралтейство
вода в ушах и каждой носопырке
на небе облаков сырое тесто
в компьютер лезут дети из пробирки
харибда сцилла и меж них химера
влачит борта рассудочно и вяло
сгорая, спирт похож на пионера...
и пионерка хорошо сгорала
купил «Охоту» в сетевой дешёвке
пишу стихи да что там врать рифмую
Санкт-Петербург сибирской полукровке
портреты шлёт на Зею и на Мую
обской пьит звезда левобережья
на зыбком «ша» «ча» «ща» лицом испитым
хлопочет бродит грузно кровь медвежья
сгущается летит метеоритом
на Питер
Воронихин и Кваренги
вареники едят
нет это Гоголь
стоит в исподнем у холодной стенки
и смотрит на меня в пустой бинокль
дерутся дети в новоримском цирке
слона проходят дети в зоопарке
нет контрамарки инвентарной бирки
монеты с профилем Буонапарте
копите дети на билет копите
и уезжайте насовсем из Нска
сирот не любит королевский Питер
Григорьев спит – последний царь гротеска
а я верчу в гроссбухе бирюзовом
стихи ну ни о чём на старой лавке
Новосибирск на тряпочки разорван
копите бирки подымайте ставки...

ИЗВЕСТИЯ

от магазина до магазина прогуливаешься
подминая снежок по кругу
из надмирного улья снежные пчёлы
вылетают и жалят тебя ссутулившегося
дверь открываешь плечом
как будто в танце ведёшь подругу
и не ведаешь сколько ещё на развес
оплеух прилетит
на деревьях известь
избранное из
ничего несказанного
на повестке дня
шапку снять
в руках память
в шашки го поиграть
а тут приходят
раздаточные материалы
раздай нас
если не стыдно
тому кого не страшно
ищут по подъезду старшего
кепку и значок ГТО
што да ништо
слово
из уст его

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

1

от сигареты до сигареты чая полкружки
и ещё полкружки до ещё сигареты...
форточка хлопает
позвякивают ёлочные игрушки
«в библиотеке имени меня»
на ногах портреты

и те, которые нарисованы по пояс
ноги отрастили, в темноте качаясь
ощущение такое, что опаздываю на поезд
а поезд опаздывает на полкружки в час

сигареты не кончаются
вдосталь чая с лимоном
снег влетает свежий, как морская соль
в ясном морозном январе бессонном
ни едина косточка не болит
ни одна мозоль

2

едоки картофеля снимают мундиры
сельдь под шубой
без шубы и сельди
накинь-ка на меня пальто, брат Елдырин
слышу, как догоняются за стеной соседи
имя моё мнимо
поименованное им мнимо
кровожадный, мандаринам снимаю скальпы
чай и сигареты
о себе любимом
утром с Пенсильванией
поговорю по скайпу

3

не жалею не зову не плачу
а если плачу, то никого не зову
в свою затерянную в январе лачугу
ожидаю рождения Христа в хлеву
от сигареты до сигареты
от чая до чая
в равновесии минутном счастья и отчаянья
поэт и плотник — всё тщета Иосиф
написать стишок
да пожать плечами

ПОХВАЛА ЛЕОПАРДИ

с Колгашкиным сидел на первой парте
Филонов из прача стрелял из тыла
я жил тогда наверно в старой Спарте
и Леонид стоял
спартанцы — это сила
мы не сдадим фашистам Фермопилы
хотя они братан простые турки
дай, Леонид, мне треть спартанской силы
а так у нас огрызки и окурки
да, Эрдоган, чего не любишь курдов
Мать-Родину Мамаева кургана
мы тихо терпим всяких хасавьюртов
Золя стоит без всякого романа
печали полон Джакомо, Пьяченца
и Генова и милая Ференцы
а брат мне тапки даст и полотенце
и улыбнётся солнечный дворецкий
жизнь — это смерть сестра моя по сути
мы в Сирию приходим с тополями
опять меня отправили на сутки
а я хочу лесами и полями
идти ногами босыми по правде
по прошлому Советскому Союзу
я похвалу затеял Леопарди
но слаб в латинице силаботоник узник
не знаю где Япония на карте
и что мне в жизни сделали японцы
читаю на рассвете Леопарди
и даже в переводе это — солнце

